

— Как можно не заметить? — с раздражением произнёс один из них. — Но даже если заметит, что она сможет сделать? Разве она осмелится спросить у господина Тань? Она даже не сможет встретиться с ним лицом к лицу. Или, может, спросит у босса Цяня? Босс Цянь ведь занят.

— Чем он занят?

— Занят тем, что устроил разборки с одним молодым актёром из их съёмочной группы. Лань Ли в тот день была настолько глупа, что залезла в его комнату искать что-то, и босс Цянь об этом узнал.

Лань Ли?!

Сердце Апельсинки заколотилось, ей показалось, что она услышала что-то невероятно важное.

Но голоса мужчин были негромкими, а дверь между ними мешала разобрать слова чётко. Апельсинка не была уверена, правильно ли она услышала, и потому, с дрожащими руками, открыла телефон, нашла в WeChat единственного человека, который знал Лань Ли, — Гу Чжочжо, и, с ладонями, покрытыми потом, нажала кнопку для отправки голосового сообщения.

Слышался шорох.

— Ладно, я перевёл тебе задаток.

— Почему всего сто тысяч? Ты что, меня обманываешь?

— Мы договорились на сто тысяч! Мы уже давно сотрудничаем, разве мы не братья?

— ...

— Ладно, хватит киснуть, кому ты это показываешь? Лань Ли терпит тебя, а я не буду. Ты сегодня не должен её сопровождать?

— Босс Цянь пошёл на съёмочную площадку, чтобы продемонстрировать силу, а потом, конечно, будет развлекаться со своей любовницей. У них есть водитель, я им не нужен.

— Демонстрировать силу, ха, Лань Ли действительно осмелилась втянуть его в это.

— Он тоже красавчик, теперь ему конец. Интересно, будет ли его спонсор его защищать? Ресурсы уже вложены, его зовут Гу Чжочжо.

Апельсинка буквально взорвалась. Имя Гу Чжочжо было необычным и сложным для произношения, она точно не могла ошибиться!

Однако от волнения она случайно задела дверь за собой, и та с грохотом ударилась.

Голоса внутри комнаты внезапно повысились:

— Кто тут?!

Мужское лицо, полное гнева, выглянуло из-за двери, как в фильме ужасов, и буквально впилося в неё взглядом, словно в следующую секунду он вытащит из-за спины работающую бензопилу...

Апельсинка вскрикнула от испуга:

— Мама моя!

Её пальцы разжались, и голосовое сообщение отправилось.

[Динь]

Звук уведомления WeChat раздался, и Гу Чжочжо взглянул на телефон. Это было напоминание о том, что срок действия купона истёк.

Он не смог сдержать зевоту.

— Давайте! Соберитесь! Сейчас снимаем последнюю сцену до полуночи! После этого будет перерыв на час!

Режиссёр Ван держал в руках мегафон, его голос уже срывался. После двенадцати часов работы все были измотаны. Это был не вопрос отношения, просто усталость брала своё, и концентрация уже не подчинялась.

Режиссёр Ван нажал кнопку на мегафоне, и резкая музыка ворвалась в уши всех присутствующих: «На свете только мама хороша, у кого есть мама, тот счастлив, как сокровище...»

— Аaaa! — Ци Син был на грани срыва, он громко произносил свои реплики:

— Цзян Цзинжун! Я люблю твою былую яркость и живость! А не твою нынешнюю мёртвую апатию!

Лань Ли, держа в руках сценарий, монотонно ответила:

— Та яркая я уже умерла, ты сам её убил.

Лань Ли сегодня явно была не в своей тарелке. Хотя она и раньше любила сидеть, уставившись в свой розовый термос, сегодня она казалась особенно подавленной.

Гу Чжочжо спросил:

— Тебе нравится Hello Kitty?

На её большом термосе была изображена розовая кошечка Kitty, украшенная блёстками.

— Мм? А... Нормально, — Лань Ли ответила рассеянно.

Термос выглядел старым, и, честно говоря, его дизайн был немного старомодным, что не очень сочеталось с образом современной айдола.

Гу Чжочжо подумал, что, возможно, ей он просто очень нравится, и потому спросил, но она, похоже, не хотела говорить на эту тему.

Через некоторое время камеры были готовы, и Лань Ли с Ци Сином вышли на съёмку.

Их актёрская игра была на уровне айдолов, чуть лучше, чем у Цзян Цзятина, при этом игра Лань Ли во многом зависела от партнёра, а Ци Син как раз был тем, кому сложно вжиться в роль.

К счастью, их внешность была на высоте, и они хорошо управляли своими эмоциями, что подтверждало слова Апельсинки: «Просто оставайся красивым, и фанаты твоей внешности сами всё оправдают».

Ци Син находился под большим давлением. Он не раз высказывал своё нежелание сниматься, но его агент и компания не позволяли ему отказаться.

В Китае идолам сложно поддерживать популярность только за счёт пения и танцев, им нужны шоу, сериалы и другие способы привлечения внимания.

Неблагополучная индустрия звукозаписи уже погубила множество оригинальных музыкантов, и даже сегодня, когда осознание авторских прав улучшилось, чистая музыка всё ещё не приносит столько денег, сколько съёмки.

А идолам, чтобы поддерживать свою популярность, приходится постоянно сниматься, петь, гастролировать, появляться на различных мероприятиях.

Ци Син слишком усердно тренировался в прошлом, и у него были старые травмы спины, но каждый год он всё равно готовит новые песни, учит новые танцы, гастролирует и снимается в фэнтези-сериалах, где его поднимают на тросах. Если из-за усталости или погоды травма обостряется, он успеет ли сходить в больницу, нет ли — ему делают уколы, чтобы снять боль. Гу Чжочжо считал, что это просто эпический уровень саморазрушения.

Из-за истории с Вэнь Юэ Гу Чжочжо особенно не любил видеть, как люди губят своё здоровье. Иногда, когда он видел, что Ци Син пропустил обед из-за сна, он клал его еду в термоконтейнер, который приносил с собой, и просил режиссёра дать ему время поесть.

Лань Ли и Ци Син ещё не знали о статусе Гу Чжочжо, но режиссёр Ван знал. Он видел, как Гу Чжочжо говорил: «Я плачу, я снимаюсь», — и потому относился к нему с особой снисходительностью.

Обычно режиссёр редко отказывал Гу Чжочжо в его небольших просьбах.

Однако Гу Чжочжо тоже знал меру и не вмешивался в серьёзные решения режиссёра. Например, сегодня, когда на улице был тайфун, и передвижение было затруднено, он не стал возражать против решения работать всю ночь.

Хотя даже он сам уже чувствовал себя измотанным.

Помощник режиссёра, парень лет двадцати с небольшим, прижал живот и, вяло опустившись на стул рядом с Гу Чжочжо, начал жаловаться:

— Как же я голоден... Уже десять вечера, а ужина нет. Где мои блинчики, палочки доуфу, жареные шашлычки, кальмарчики на гриле? Аааа, даже если бы мне дали просто булочку, я бы назвал того, кто её принёс, отцом.

Гу Чжочжо тоже вздохнул, он тоже чувствовал голод.

Но из-за тайфуна, ради безопасности, платформы доставки еды были закрыты, а сотрудники, отвечающие за заказ еды, уже обзвонили несколько ближайших ресторанов, но все отказались доставлять, так что им пришлось остаться голодными.

— Мм? — Помощник режиссёра вдруг выпрямился и начал принюхиваться. — Мне кажется,

или я чувствую аромат булочек?

Но это были не булочки, а множество пицц.

Коробки с пиццей, упакованные в несколько слоёв пакетов, как какое-то высокотехнологичное оружие, появились в коридоре, и вся площадка взорвалась. Актрисы и актёры, читавшие свои реплики, остановились, уставившись друг на друга.

— Стоп! — Режиссёр Ван сдался, он тоже был голоден. — Давайте сначала поедим!

Эта доставка была необычной. Она прошла через все преграды тайфуна и упрямо добралась до них.

На съёмочной площадке собрались звёзды, у помощников и организаторов были обширные связи, но даже они не смогли заказать ужин. И вот теперь появился кто-то, кто смог это сделать.

Гу Чжочжо не бросился за своей порцией. Он нахмурился, глядя на нескольких курьеров, которые стояли, сверяя количество заказа.

Они все были мокрыми, словно их только что вытащили из воды, дрожали и вытирали капли с лица, как будто только что вернулись с фронта борьбы с наводнением.

Помощник режиссёра, который только что жаловался на голод, с радостью взял свою пиццу и подошёл к Гу Чжочжо:

— Чжочжо, какую пиццу ты любишь? А то её быстро разберут!

Он откусил кусочек пиццы и вдруг воскликнул:

— Ого, это не твой... друг, случайно, прислал?

Гу Чжочжо ранее представил Вэнь Юэ как друга, и все, хотя и думали про себя иное, согласились с этим. Теперь, говоря о Вэнь Юэ, они называли его «твой друг», имея в виду могущественного миллиардера Вэнь Юэ.

Гу Чжочжо покачал головой:

— Думаю, нет.

Он только что говорил с Вэнь Юэ, и тот сказал, что доставка невозможна.

На улице было опасно, платформы закрыли доставку, сотрудничая с метеорологической службой, а ближайшие рестораны понимали важность безопасности и предпочли не рисковать, отказавшись от доставки.

Вэнь Юэ не мог не понимать этого, более того, именно он сам объяснял Гу Чжочжо такие вещи.

Гу Чжочжо попросил Тан Жуй принести его футболку из гримёрки, и, когда полотенце не хватило, он разрезал одежду, чтобы использовать её как тряпку, чтобы вытереть лица и волосы курьеров. На съёмочной площадке была горячая вода, и несколько внимательных статистов уже пошли налить им воды.

Курьеры благодарили.

Постепенно все перестали разговаривать, молча наслаждаясь вкусным ужином.

<http://bllate.org/book/16422/1488200>